

Позиция вопрошающего в контексте сопоставления Исповедей Л. Н. Толстого и Аврелия Августина

Научный руководитель – Кантор Владимир Карлович

Харитонов Т.И.¹, Кулешова Ю.Д.²

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия, *E-mail: tipchak2011@gmail.com*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Биологический факультет, Кафедра молекулярной биологии, Москва, Россия, *E-mail: tipchak2011@gmail.com*

После некоторой секуляризации жанра исповеди в одноимённом произведении Ж. Руссо Исповедь Толстого может быть воспринята как возвращение к изначальному замыслу изложения религиозных исканий, который преследовал Августин в первой и самой главной работе жанра. И тем не менее, подобное возвращение фигуры Бога в жанр исповеди у Толстого происходит совершенно с других позиций, чем у Августина. Испытавший влияние неоплатонизма Августин мыслит исповедь вертикально, как сокровенное обращение единичного человека к Богу, Толстой же, скорее, продолжает Руссоистскую манеру горизонтального обращения к современникам, придавая таким образом публичное измерение его собственному экзистенциальному откровению. Такое различие позиций исповедального обращения придаёт и самому событию исповеди совершенно иной духовный и метафизический смысл, сообразный религиозным воззрениям обоих мыслителей. В нашем докладе мы хотели бы эксплицировать подобные следствия такой трансформации в структуре исповеди как диалога между человеком и Богом или человеком и современником для мировоззрений обоих философов.

На протяжении всего произведения Августин пытается не столько найти Бога, сколько его осмыслить и сама позиция его обращения предполагает непосредственный сокровенный контакт между вопрошающим и фигурой несоразмерно выше него: «Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их и еще что-то в Тебе остается, ибо они не вмещают Тебя? И куда изливается этот остаток Твой, когда небо и земля наполнены?» [1]. Исповедь в этом смысле можно интерпретировать как живой диалог между человеком и Богом, подразумевающий безусловную веру в существование последнего, возможность быть услышанным и может быть даже получить некое откровение (Августин постоянно указывает на прямое участие Бога в жизни человека - например, в видениях его матери, советах друзей, направлении собственных поступков). Августин мыслит себя частью некоторого особенного миропорядка, трансцендирующего границы обыденной жизни, которая по-Платоновски «ослепляет» человека и ограждает его от уразумения проведения.

Толстой же наоборот никогда не обращается к Богу напрямую, и сама структура его повествования предполагает, скорее, обращение к читателю или современнику. Придя к вере, Толстой старается дать научение для таких же страждущих и потерявшихся людей, которым он тоже некогда был и сам. Таковую наставляющую цель, во многом, преследовал и Августин, но при этом читатель у него выставляется третьим, сторонним лицом, свидетелем диалога, который Августин ведёт, обращаясь к Богу. Толстой же мыслит Бога больше как философскую категорию и описывает в исповеди своё развитие её понимания, оставляя при этом на полях действительный опыт божественного. Толстой подробно описывает свои попытки разумом понять Бога и его сущность: «Я опять искал Бога», «Я жил только тогда, когда верил в Бога» [5]. Если Августин мыслил опыт божественного как нечто, исходящее от самого Бога как абсолютного субъекта, то в Исповеди Толстого субъектом становится сам вопрошающий, и его религиозное знание есть по большей

части следствие рациональной последовательности. Такая манера повествования, во многом, объясняется тем, что Исповедь изначально писалась как вступление к трактату «Исследование догматического богословия» и должна была послужить обоснованием необходимости собственного богословского учения автора [3]. Тем не менее, даже в контексте религиозных взглядов Толстого взаимодействие человека с божественным происходит в совершенно иных категориях, чем у Августина. Прямое диалоговое обращение к Богу едва ли допустимо в рамках приземлённой жизненной картины мира Толстовства, где слово, речь играют совершенно второстепенную роль по отношению к образу жизни человека и его чувствам.

Вслед за Руссо Толстой делает сильную независимую личность субъектом исповеди. Личный индивидуальный опыт собственной смертности, экзистенциальное переживание, не делимое с кем-либо другим, ставится во главу угла Толстовского понимания веры. Если Августин был близок к неоплатоническому представлению о томлении души по Богу, возвращении к Божественному началу через преодоление мира, то у Толстого мотив возвращения имеет совершенно другое значение. Надуманность и жесткость общественных нравов и догм Православия вынуждают Толстого говорить о возвращении к природе и жизненной правде. Отсюда же вытекает и совершенно другое представление о субъекте. Вопрошающая личность у Толстого — это смертный экзистенциальный субъект, отвергающий все по-эссенциалистски необходимое и определённое в угоду поиска собственной правды жизни, собственной смыслообразующей парадигмы, которой, как будто бы лишь по совпадению оказалась религия. Вполне в духе Бердяевского персонализма Толстой ставит личность первичнее бытия.

Несмотря на то, что Августин пришёл к религии через не менее серьёзный кризис чем у Толстого, он, всё же, мыслит свой приход к Богу как некую форму приобщения к истине, которая открыта для каждого не только в Писании, но и в самом устройении мироздания - его обращения к философии в этой связи служит лишь вспомогательной функции разведения предрассудков. Но для Толстова Шопенгауэр, Соломон, Будда важны не столько как философы, сколько как такие же независимые личности, вопрошающие о смысле жизни и отвергающие всякую земную устойчивость и понятность. В некотором смысле философия для Толстого тоже служит разведению предрассудков, но совсем иного толка, неосознанно сближаясь здесь с Кьеркегором, Толстой видит в философской критике обличение одиночества человека перед смертью и тщеты жизни. Такую позицию независимой вопрошающей личности занимает и сам Толстой - и как автор исповеди и как её участник.

Более прямая и непосредственная форма общения с Богом в Исповеди Августина является несомненно более живой и здоровой чем постоянное сомнение и философствование Толстого. И тем не менее, Толстого не устроила бы подобная беспроblemность в признании сущности Бога и в вопросе его существования. Вопрошающий, как экзистенциальный субъект должен сам выйти на диалог с божественным, пройдя при этом через неизбежный жизненный кризис. В этом персоналистском компоненте, пожалуй, и заключается главное преимущество Исповеди Толстого из-за которого уже позиция Августина кажется чересчур отстранённой от вопросов действительного человеческого существования, без разрешения которых невозможен полноценный приход к вере. Не смотря на схожесть проблематики двух Исповедей и общие цели, которые преследуют авторы, Толстой и Августин, все же, представляются нам как антагонисты в вопросе о взаимоотношении человека и Бога. Ключевой характеристикой, из которой произрастают и последующие идейные разногласия, является именно позиция вопрошающего субъекта, которая у Августина представляет некое беспроblemное открытие вечной истине, а у Толстого осмысливается более личностно и вопреки всякой утверждённой истине, существующей до самого акта вопрошания.

Источники и литература

- 1) Августин. Исповедь. Минск: Харвест: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006.
- 2) Балаба Д. Д. Исповедь как жанр философско-религиозного творчества // Общество и культура: проблемы, тенденции, перспективы. 2020. С. 7-12.
- 3) Березко А. Ф. «Исповедь» Л. Н. Толстого: традиционное и новаторское // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2007. №2 (17).
- 4) Жиркова М. А. К проблеме литературной исповеди: Л.Н. Толстой // Царскосельские чтения. 2016.
- 5) Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? / Л. Толстой; вступ. ст. А. Меня. Л.: Худож. лит., 1990.
- 6) Чемодуров К. В. Художественные исповеди в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: философско-антропологическая интерпретация // Вестник ЧелГУ. 2016. №8 (390).